

ЛЁД ТРОНУЛСЯ, ВАШЕ СИЯТЕЛЬНОСТЬ

*Авантюрная комедия
о попадании в XIX век*

АЛЕКСАНДР ЗИМИН

18+

Ваше Сиятельство

Александр Зимин

Лёд Тронулся, Ваше Сиятельство

«Автор»

2026

Зимин А.

Лёд Тронулся, Ваше Сиятельство / А. Зимин — «Автор»,
2026 — (Ваше Сиятельство)

Я был менеджером по закупкам. Теперь я — граф. В 1850 году. С долгами. В кармане — ни гроша. От родового имения — только флигель и замёрзшее озеро. Местный нувориш Вяземский, бывший крепостной, а ныне владелец моего дома, мечтает прибрать к рукам последнее, что у меня осталось. Его дочь Анна — холодная, как тот самый лёд, и, кажется, умнее отца. А в уездном городе Озёрске купцы дерутся за каждую копейку. Но у меня есть план. Я знаю, как продать лёд эскимосу. Я умею договариваться. И я верну свой дом. Чего бы мне это ни стоило. Лёд тронулся, ваше сиятельство. Поначалу всё шло как по маслу — легко, с шутками, с наглостью. А потом враг оказался умнее, чем я думал. И игра пошла не на деньги. На жизнь. Историческая драма с юмором и иронией. В духе «Остап Бендер попадает в XIX век» — наглость, лёд и одно обещание: скучно не будет.

© Зимин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ледяной контракт.	5
Глава 2. След на снегу.	7
Глава 3. Город. Купцы. И одна неожиданная встреча	9
Глава 4. Ответный ход	12
Глава 5. Письма и пули	15
Глава 6. Неделя	19
Глава 7. Ужин	22
Глава 8. Медовый месяц	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Александр Зимин

Лёд Тронулся, Ваше Сиятельство

Глава 1. Ледяной контракт.

Стук в дверь был такой, будто хотели выбить ее вместе с петлями.

Я сел на жесткой лавке, потер лицо и понял: это не моя хата. И не мое тело. В носу — запах кислых щей и старого тряпья.

— Открывай, граф! Не прячься! — раздалось за дверью.

Я открыл. На пороге стоял мужик в засаленном кафтане, с бумагой в руке. Лицо у него было такое, будто он пришел выносить мебель, а не разговаривать.

Он поклонился — но так, словно проглотил что-то кислое.

— Ваше сиятельство... Кузьма Иванович, откупщик, прислал меня напомнить о долге. Пятьсот рублей серебром. Срок вчера истек.

Я прислонился к косяку, скрестил руки на груди и уставился на него. В голове что-то щелкнуло — как переключение передач. Менеджер по закупкам, черт возьми, включился на полную.

— Слушай, любезный, — сказал я спокойно, — а ты знаешь, что я сейчас придумал, как закрыть этот долг?

Приказчик опешил. Он явно ожидал мольбы или унижения.

— Как же, ваше сиятельство? — спросил он настороженно.

— Лед, — сказал я, делая шаг к нему. — У меня за домом озеро. Замерзло. Твой хозяин Кузьма Иванович торгует рыбой, да? Ему нужен лед, чтобы рыба до Питера доехала. Я продаю ему право на вырубку моего льда. В счет долга.

Приказчик моргнул. Он перевел взгляд с меня на бумагу, потом снова на меня.

— Лед? — переспросил он. — Но...

— Никаких «но», — я похлопал его по плечу. — Ты передай Кузьме Ивановичу: граф Шереметев предлагает ему сделку. Если откажется — я пойду к его конкуренту, Семену Петровичу. У того, говорят, озеро поменьше, но он не жадный.

Я наклонился к приказчику и понизил голос:

— И учти, любезный: если ты эту сделку пролоббируешь — я дам тебе процент. Пять рублей с каждой партии. А если нет — так и будешь ходить с бумажками до старости.

Приказчик сглотнул. Его глаза забегали.

— Я... — начал он.

— Ты передашь, — перебил я. — Иди.

Он развернулся и вышел. Я закрыл за ним дверь и выдохнул.

Я подошел к мутному зеркалу, висевшему на стене. Оно было в пятнах, но я разглядел себя. Худой парень с бледным лицом, синяками под глазами и тонкими пальцами. Двадцать два года. Граф. Без гроша.

— Итак, — сказал я своему отражению. — Ты в теле графа. 1850 год. Денег ноль. От родового имения — только этот флигель. Но голова менеджера по закупкам при тебе. Ок, работаем.

Я натянул засаленный сюртук, который висел на гвозде, и вышел во двор.

Масштаб бедствия был впечатляющим. Забор покосился. Флигель облез. Сад зарос бурьяном. Но я дошел до обрыва, и там оно было — озеро. Огромное, замерзшее, чистое, как стекло. Лед лежал ровным слоем, и солнце отражалось в нем так, что слепило глаза.

Я остановился и посмотрел вдаль. Ветер был морозный, сухой. И в голове сама собой сложилась фраза — простая, как гвоздь:

«Я поднимусь. Я верну имя Шереметевых. И начну с этого льда».

Через полчаса я стоял на краю деревни, у самой крайней избы. На завалинке сидел мужик лет пятидесяти с усами, в ватнике и старых сапогах. Он чинил оглоблю.

— Здорово, дядя, — сказал я.

Он поднял голову, посмотрел на меня без интереса.

— Чего надо?

— Я граф Шереметев, — я протянул руку. — Мне нужны люди. Двое-трое. Кто умеет работать руками. Плачу по рублю в день.

Он усмехнулся, отложил оглоблю.

— По рублю? И чего же делать?

— Рубить лед на озере. Укладывать в сани. Засыпать опилками. Работа до весны.

— Граф? — он прищурился. — С топором?

Я улыбнулся.

— Я необычный граф, — сказал я. — Я граф, который хочет есть. Ну что, берешься?

Он хмыкнул, встал и протянул руку.

— Егор меня зовут. Это мой сын, Иван, — он кивнул в сторону избы, где в дверях стоял кудрявый парень. — И Кузьму лошаdnика возьмем. Он с нами.

Я сжал его ладонь и выдохнул.

— Завтра с утра выходим.

Я возвращался во флигель довольный. Первый шаг сделан. Команда собрана. План работает.

Я уже взялся за ручку двери, когда услышал за спиной цокот копыт. Обернулся — у калитки стояла черная карета с гербом на дверце. Лошади нетерпеливо перебирали копытами.

Из кареты вышел худой старик с седыми бакенбардами, в долгополом сюртуке. Он посмотрел на меня сверху вниз и представился сухо:

— Павел Константинович, управляющий делами его сиятельства князя Вяземского.

Я не отступил ни на шаг. Стоял у своей двери, скрестив руки.

— Слушаю.

— Князь Вяземский желает купить ваше озеро. Прямо сейчас. Тысяча рублей.

Я улыбнулся.

— Передайте князю: озеро не продается. Но я готов обсудить партнерство.

Управляющий прищурился. Его глаза сузились — не от злости, а как у человека, который прикидывает в уме новый расклад.

— Вы не понимаете, — сказал он с нажимом. — Его сиятельство привык получать то, что хочет.

Я спокойно посмотрел ему в глаза.

— Я тоже, — сказал я.

Павел Константинович постоял еще мгновение. Потом молча кивнул и сел в карету.

Экипаж тронулся, и я остался стоять у калитки, глядя вслед удаляющимся огням.

— Ну, — сказал я себе. — Игра началась. И Вяземский, кажется, уже сделал свой первый ход.

Глава 2. След на снегу.

Утро встретило меня морозом и запахом свежего хлеба.

— Бабка твоя, что ли, печёт? — спросил я Егора, вдыхая морозный воздух пополам с ароматом ржаной корочки.

— Она самая, — Егор кивнул. — Всю деревню кормит.

— Если так дальше пойдёт, я на ней женюсь.

— Так она ж старая, барин.

— Значит, буду платить ей хлебом за лёд. По рукам?

Егор усмехнулся в усы, и мы двинулись к озеру. Иван насвистывал что-то себе под нос, Кузьма вёл лошадь под уздцы. Я шагал чуть впереди, смотрел на замерзшую гладь и чувствовал, как внутри поднимается азарт. «Первая партия льда — это не просто лёд. Это первый шаг к свободе».

— Ну что, мужики, — сказал я, останавливаясь на берегу. — Готовы к великому ледяному походу?

— А то! — отозвался Иван. — С утра на ногах. Даже не завтракал — боялся, что вы передумаете.

— Передумать? — я расхохотался. — Егор Петрович, когда я что-то задумываю, я не передумываю. Это называется «предпринимательская хватка». Слыхали про такую?

— Не, — сказал Егор. — Мы больше про лошадей да про навоз.

— Тогда учитесь.

Я натянул старый тулуп, который нашёл в сундуке, взял пешню и вышел на лёд.

— Итак. Рубим квадратами. Аршин на аршин. Толщина — не меньше четверти. Бить вон туда, — я указал в центр озера. — Там лёд самый ровный.

Я замахнулся и ударил. Пешня вошла в лёд с хрустом, откололся край — ровный, прозрачный, без единой трещины. Егор присвистнул.

— Откуда знаете, барин?

— В книжках читал, — я пожал плечами.

— В книжках пишут, как лёд рубить? — Иван вытаращил глаза.

— А ты как думал? Дед был грамотный. Библиотека осталась. Я в ней вырос.

Мужики переглянулись.

— У нас, графов, всё не как у людей, — добавил я. — Мы сначала читаем, а потом делаем. Или делаем, а потом читаем, что получилось.

Они засмеялись, и работа пошла.

Мы рубили лёд до полудня. Егор оказался метким — его удары были точными и сильными. Иван быстро освоился, а Кузьма подвозил сани и укладывал квадраты ровной стопкой. К обеду на берегу лежали тридцать квадратов льда — чистые, без сколов, один к одному.

Я сел на сани, переводя дух.

— Ну, барин, — сказал Егор, вытирая пот со лба. — Лёд — первый сорт. А куда продавать-то?

Я обернулся и посмотрел на дорогу, уходящую в сторону уезда.

— Завтра — в город. Покажем товар местным купцам. Пусть знают: у Шереметева есть лёд. А когда слух дойдёт до Питера — тогда и двинем.

— И много возьмут? — спросил Иван.

— Если я скажу, что это лёд с графского озера, они передерутся за него, — я подмигнул. — Местные купцы любят всё графское. Даже если это просто замёрзшая вода.

Мужики засмеялись, но в глазах у них появилась искра. Они видели — я не бросаю слов на ветер.

— Сегодня отдыхаем, — сказал я, вставая. — Завтра — первая поставка в город.

Я возвращался во флигель уже в сумерках. День был долгим, но приятным. Морозный воздух и работа на свежем воздухе выветрили остатки вчерашнего тумана. Я думал о завтрашней поездке, о купцах, о том, как построить первый разговор.

Я подошёл к калитке — и замер.

Дверь была приоткрыта.

Я отчётливо помнил: когда уходил утром, я закрывал её на засов. А сейчас — щель в палец шириной.

Я замер в дверях и прислушался. Тишина. Но не та, что утром. Настороженная. Как будто дом затаил дыхание.

Я медленно вошёл, стараясь не скрипеть половицами. В сенях на полу — следы мокрых сапог. На столе — бумаги, которые я оставил аккуратной стопкой, разбросаны.

Кто-то рылся в моих вещах.

Я открыл ящик стола. Всё перерыто. Письма. Расписки. Черновики расчётов — всё лежало не так, как я оставлял.

В голове пронеслась мысль: «Вяземский. Он не просто угрожал — он действует».

Я осмотрел комнату. Заглянул под стол, за шкаф. Пусто. Но когда я подошёл к печи, заметил в углу, почти засыпанную золой, сложенную вчетверо бумагу.

Я поднял её. Старая, пожелтевшая, с гербовой печатью. Развернул.

«Сим подтверждаю, что мною, графом Петром Шереметевым, отпущен на волю крепостной Павел Петров с семьёй. Дано ему право на торговлю...»

Я перечитал ещё раз. Павел Петров. Крепостной. Отпущен моим дедом.

Я нахмурился. Петров. Вяземский. Мог ли крепостной Петров стать князем Вяземским? Мог. Купил титул. Сменил фамилию. Вылез из грязи в князи. Обычное дело для тех, у кого деньги и ни совести, ни стыда.

Я сжал бумагу в руке.

— Значит, вот как, — сказал я вслух. — Дед дал твоему отцу свободу, а ты в благодарность забрал наш дом. Красиво.

Я спрятал письмо во внутренний карман и подошёл к окну. На снегу под окном виднелись следы — свежие, ведущие к лесу. Приходил не один. И, судя по следам, уходили они неспешно. Не боялись, что их заметят.

— Он знает про лёд, — сказал я себе. — Знает, что я планирую. И не остановится.

Я смотрел в темноту за окном и чувствовал, как внутри закипает холодная, спокойная ярость.

— Ну, держись, Павел Петрович, — сказал я. — Я верну всё. С процентами.

Завтра — в город. Завтра я начну продавать. А там — посмотрим, кто кого.

Глава 3. Город. Купцы. И одна неожиданная встреча

Утро было морозным и ясным.

Мы с Егором и Кузьмой грузили в сани последние квадраты льда. Иван стоял у калитки, нахохленный, как воробей.

— Ты, главное, — сказал я ему, — если кто чужой появится — беги к Егору. В драку не лезь. Ты мне живой нужен, а не геройский труп.

Иван кивнул, но по его лицу было видно — он обиделся, что его оставляют.

— Не дуйся, — я хлопнул его по плечу. — Я тебе важное дело доверяю. За флигелем смотреть — это почётно.

— Ага, — буркнул Иван, но уже с улыбкой. — Почётно, как же.

— Запомни: чужие — ни шагу. Своих двое — пускай. И никому не открывай дотемна.

Он кивнул уже серьёзно.

Дорога была пустынная. Снег хрустел под полозьями, лошадь пофыркивала, и в этом звуке было что-то успокаивающее.

Я сидел на санях рядом с Егором и слушал его рассказы. Он знал этот город, как свои пять пальцев.

— Купцы здешние, — говорил Егор, натягивая вожжи, — они как рыбы: мелкие — жадные, крупные — жадные вдвойне. Но если ты им покажешь товар лицом — они раскусят.

— А кто из них самый толстый? — спросил я.

— Семён Петрович, — Егор усмехнулся. — Торгует рыбой. Три лавки держит. Но он старый и хитрый. К нему с пустыми руками не ходи.

— А мы и идём с пустыми, — я улыбнулся и похлопал по стопке льда. — У нас с собой — товар.

Город появился внезапно. Дорога вынырнула из леса, и впереди показались крыши, церковные купола и столбы дыма. На въезде стояла стела с надписью «Озёрск».

Базарная площадь гудела как улей. Сани, телеги, торговки с корзинами, мужики в тулупах. Я спрыгнул с саней и направился к лавке, над которой висела вывеска: «Семён Петрович. Рыбная торговля».

Толстый, лысый, с масляными глазками, он стоял за прилавком и перебирал бумаги. Когда я вошёл, он поднял голову и уставился на меня так, будто я пришёл просить милостыню.

— Чего надо? — спросил он без приветствия.

— Здравствуйте, — я снял шапку. — Я граф Шереметев. У меня есть лёд. Вы торгуете рыбой. Я предлагаю вам право первой руки.

— Лёд? — он усмехнулся. — У меня есть свой лёд.

— Ваш лёд — из речки, — я спокойно положил на прилавок квадратный кусок, который отбил специально для демонстрации. — А этот — с озера. Чистый, прозрачный, без песка. Он не пахнет тиной, он не тает три дня на морозе.

Купец взял кусок, повертел в руках, понюхал — и отложил.

— Граф, значит? — он прищурился. — А чего ж вы, ваше сиятельство, сами лёд продаёте, а не приказчика прислали?

— Потому что я новый граф, — я посмотрел ему прямо в глаза. — И привык сам договариваться.

— Новый граф... — он хмыкнул. — Это который старые долги не платит?

— Который новые деньги зарабатывает, — я чуть заметно улыбнулся. — И вам предлагает.

Семён Петрович задумался. Его глаза скользнули по моему сюртуку, по сапогам.

— И почём?

— По цене ниже рыночной. Десять квадратов за серебро. Пробная партия. Если лёд до весны не растает — вы станете моим постоянным покупателем.

Он помолчал, потом хмыкнул и протянул руку.

— Ладно. Беру пробную. Десять квадратов. За серебро. Но если лёд окажется с гнильцой — я тебя и на порог больше не пушу.

— Справедливо, — я пожал его ладонь. — По рукам.

Я вышел из лавки и увидел Егора. Он стоял у саней, смотрел на меня с явным уважением.

— Ну что, барин? — спросил он.

— Сделка есть, — я улыбнулся. — А теперь — греться.

— Я не могу, — сказал Егор. — Я с вами за одним столом сидеть не могу.

— Можешь, — я взял его под руку. — Я — граф. Я разрешаю.

В трактире «У Мельникова» было тепло и уютно. Пахло хлебом и жареным мясом.

Егор сидел напротив меня, крутил в руках кружку с чаем и смущался.

— Не привык я с графьями-то за столом сидеть, — бормотал он.

— А я не привык с графьями, — я усмехнулся. — Я привык с продавцами. Так что считай, что я — продавец. Просто в хорошем костюме.

Егор хмыкнул и отпил чай.

— Ты, барин, — сказал он, — необычный. Я с тобой за день больше понял, чем за год с твоим отцом.

— Отцом? — я насторожился.

— Бывшим графом, — Егор понизил голос. — Алексей Петрович — он хороший был человек. Но когда заболел, дела пошли под откос. А сын его, Максим Алексеевич — ну, вы то есть, — он осёкся. — Вы уж простите, барин...

— Говори, как есть.

— В карты проиграл почти всё. А Вяземский, — он сплюнул в сторону, — скупал долги через подставных лиц. Теперь у него все документы на имение. И он не отдаст их просто так.

— Я знаю, — сказал я, сжав кружку. — Я нашёл письмо. Мой дед, Пётр Алексеевич, отпустил его отца на волю. А он отплатил... неблагодарностью.

— Вяземский — он хитрый, — Егор покачал головой. — У него дочь есть. Анна Павловна. Говорят, она отца за пояс заткнёт. Делами занимается, контракты подписывает.

— Красивая? — спросил я.

— Красивая, — Егор вздохнул. — И холодная, как тот самый лёд.

Я усмехнулся.

— Так, значит, мы торгуем льдом. А она — сама лёд. Интересно.

Я допил чай, расплатился и вышел на крыльцо.

Я вышел из трактира, натягивая шапку, и чуть не сбил с ног девушку, которая стояла у входа в сопровождении слуги.

— Прошу прощения, — я осёкся.

Девушка была в дорогой шубе, с ледяным взглядом и тёмными волосами, выбивающимися из-под шляпки. От неё пахло хвоей и морозом — тонкий, дорогой аромат, который я узнаю из тысячи.

Она смотрела на меня чуть дольше, чем требовали приличия.

— Сударыня, — я приподнял шапку.

Она чуть заметно усмехнулась. Её взгляд скользнул по моим сапогам, по сюртуку, по лицу.

— Вы, кажется, и есть тот самый граф, который продаёт лёд?

— Он самый, — я улыбнулся. — А вы, полагаю, дочь князя Вяземского?

— Узнали?

— В городе только о вас и говорят.

— И что же говорят?

— Что вы умнее своего отца. Но я пока не решил, комплимент это или предупреждение. Она прищурилась, и в её глазах мелькнула искра интереса.

— Удачи с вашим льдом, граф, — сказала она, разворачиваясь. — Весна покажет, насколько он хорош.

Она ушла. Я смотрел ей вслед, пока она не скрылась за поворотом. Запах хвои ещё висел в воздухе.

Дочь врага. Умна. Опасна. И, кажется, знает обо мне больше, чем я о ней.

Я сел в сани. Егор тронул вожжи. Мы вернулись во флигель уже в сумерках

Иван встретил нас у калитки. Вид у него был встревоженный.

— Барин, — сказал он, оглядываясь, — тут такое дело... Приходил человек от Вяземского.

— Что сказал? — я насторожился.

— Сказал: «Передай графу — лёд до весны не доживёт». — Иван переминался с ноги на ногу.

— Что ещё?

— Сарай, — он мотнул головой в сторону.

Я пошёл к сараю, открыл дверь. Пахло сырым деревом. Я нагнулся и провёл рукой по льду.

Лёд был влажным. Края подтаяли. Соль. Кто-то насыпал солью.

Я выпрямился, но не стал сжимать кулаки. В голове уже крутились цифры: сколько льда потеряно, сколько нужно добыть завтра, как укрепить сарай. И ещё — как ударить в ответ. Не кулаком — бумагой. Контрактом. Сделкой, которую Вяземский не увидит, пока не станет поздно.

— Завтра усилим охрану, — сказал я Егору и Кузьме. — Спим по очереди. И готовим новую партию. Они думают, что мы испугаемся. А мы просто станем умнее.

Я закрыл дверь сарая и пошёл во флигель. Надо было думать. И действовать.

Глава 4. Ответный ход

Утро встретило меня серым небом и морозом, который пробирал до костей.

Я сидел на лавке и смотрел на закопчённый потолок. Вяземский думает, что я запаникую. Что начну суетиться, тратить силы на охрану, рубить новый лёд без плана. А я сделаю иначе. Я сделаю так, что он сам придёт ко мне договариваться.

Во дворе меня уже ждал Егор. Мрачный, как туча.

— Барин, лёд я посмотрел. Края подтаяли, но, если срезать — две трети спасти можно.

— Отлично. Значит, у нас теперь два сорта. Первый — для купцов. Чистый, прозрачный, как слеза младенца. Второй — для губернатора.

Егор нахмурился.

— Для губернатора?

— Для больницы, — я усмехнулся. — Я на днях заезжал к нему, пока вы с Кузьмой сани чинили. Титул — он, знаешь, двери открывает, даже когда карманы пустые. Предложил лёд для лекарственных погребов по себестоимости. Он согласился. Чуть подтаявший — самое то. Срок хранения меньше, но им не критично.

Егор почесал затылок.

— То есть вы из беды прибыль делаете?

— Егор Петрович, — я хлопнул его по плечу, — кризис — это время возможностей. А Вяземский мне не враг. Он мой бесплатный консультант по мотивации.

Егор хмыкнул и пошёл к сараю. А я начал запрягать лошадь. Точнее, сделал вид. Кузьма отпихнул меня через минуту и всё сделал сам, но я запомнил каждое движение. Когда-нибудь пригодится.

— Я в город один, — сказал я, забираясь в сани. — Вы укрепляйте сарай. К вечеру вернусь.

В лавке Семёна Петровича пахло рыбой и старыми бочками. Купец встретил меня без враждебности — уже прогресс.

— Граф, — сказал он, приглашая за прилавок. — Слышал, у вас неприятности? Лёд подпортился?

— Неприятности? — я положил на прилавок квадрат чистого льда. — Это проверка. Кто чего стоит. А я, Семён Петрович, стою дорого.

Купец взял кусок, посмотрел на свет.

— Хорош, — признал он. — Но я в деле. Вяземский меня кредитует. Если узнает, что я у вас лёд беру...

— Он перестанет вас кредитовать, — закончил я. — Понимаю. Поэтому предлагаю работать тайно. По документам лёд идёт как речной. Никто не узнает. А я даю скидку десять процентов за риск.

Семён Петрович замялся.

— Граф, а вы осознаёте, что если Вяземский узнает — он меня по миру пустит?

— Осознаю. Поэтому предлагаю не просто лёд, а страховку. Если он вас тронет — я подключу губернатора.

Купец моргнул.

— Вы и губернатора приручили?

— Скажем так: мы в хороших отношениях, — я пожал плечами.

Семён Петрович хмыкнул, потом протянул руку.

— Вы, граф, или гений, или сумасшедший.

— Одно другому не мешает. По рукам?

— По рукам.

Вторая сделка. Теперь у меня есть не просто покупатель, а тайный союзник внутри города.

Я вышел из лавки довольный — и сразу наткнулся на Анну.

Она стояла у соседнего крыльца, закутанная в дорожную шубу. Ждала.

— Граф, — сказала она без приветствия. — Вы сегодня рано.

— Анна Павловна, — я приподнял шапку. — Следите за мной?

— Всего лишь гуляю. Но вижу, вы времени зря не теряете. Семён Петрович — мой должник. Надеюсь, вы не пытаетесь его переманить?

— Я? — я прижал руку к груди. — Я всего лишь продаю лёд. Холодный, прозрачный, совершенно безобидный.

Она прищурилась.

— Мой отец считает, что вы опасны.

— А вы?

Пауза. Она чуть заметно улыбнулась — впервые не холодно, а с тенью любопытства.

— Я считаю, что вы слишком умны для разорённого графа. Откуда вы такой взялись?

— Из будущего, — я сказал это с такой серьёзной улыбкой, что она замерла. — Анна Павловна, я не ищу ссоры с вашим отцом. Я хочу вернуть своё. Если для этого придётся стать его партнёром — я стану. Если конкурентом — буду конкурировать. Но врагом я быть не хочу.

Она смотрела на меня долго. Потом сказала тихо:

— Враги — это те, кому есть что делить. Мы с вами, граф, пока никто друг другу. Но лёд тает. И как только он растает — останется только правда.

Развернулась и ушла. Я смотрел ей вслед.

«Она не просто дочь врага. Она — уравнение, которое мне предстоит решить».

Вечером я собрал команду за столом. Егор, Иван, Кузьма. Я расстелил старую карту уезда.

— Завтра мы сделаем ход, которого Вяземский не ждёт. Мы не будем защищаться. Мы нападём. Бумагой.

Мужики переглянулись.

— У Вяземского есть слабое место. Он контролирует рыбу, но не лёд. Пока. В Озёрске есть мясник, пивовар и лекарь. Завтра я иду к ним. Предлагаю лёд дешевле, чем он сможет. Вяземский умеет давить. А я умею договариваться.

— А если опять наслёт людей? — спросил Иван.

— Не наслёт. Он будет слишком занят.

— Чем?

— Статьей в газете, — я улыбнулся. — Завтра я напишу про торговлю льдом и пользу для города. Без упоминания Вяземского. Но он прочтает и поймёт.

— Голова у вас, барин, как котёл, — сказал Егор.

— Это ещё цветочки. Ягодки будут, когда он поймёт, что проигрывает в суде общественного мнения.

Ночью я сидел на крыльце, смотрел на озеро. Луна взошла, лёд искрился. Вышел Егор, сел рядом.

— Не спится, барин?

— Думаю.

Молчание. Потом он сказал:

— Вы вот что, Максим Алексеевич... Я старый человек. Всяких господ видел. Но таких, как вы, — не видел. Вы из мужиков, что ли?

Я усмехнулся.

— Из продавцов, Егор. Это почти то же самое.

— Не скажите. Продавец — он за деньги. А вы — за правду.

— За дом, — поправил я. — Я просто хочу вернуть дом.
Егор кивнул. Мы смотрели на озеро.
— Вернёте, — сказал он. — С вами и мы, дураки, поверили.
Утро началось со стука. Я открыл дверь — на пороге Иван с газетой. Вид встревоженный.
— Барин... Вы только не сердчайте.
Я взял газету. Первая полоса:
«Граф Вяземский объявляет о начале поставок льда для всех торговых лавок Озёрска.
Лёд высшего качества. Цена на десять процентов ниже рыночной».
Я молча смотрел на газету. Он перехватил мою идею. До того, как я успел занять рынок.
Иван ждал. Егор, вошедший следом, тоже.
Я медленно сложил газету.
— Значит, война.
Пауза. Я взял перо и бумагу.
— И на этот раз — без правил.
— Что вы делаете, барин? — спросил Егор.
— Пишу губернатору. И в газету. Одновременно. Если Вяземский хочет играть грязно
— я сыграю ещё грязнее.
— А он не ожидает?
— Он не знает, что у меня есть козырь.
— Какой? — Иван заглянул через плечо.
Я улыбнулся, но в глазах был холод.
— Анна Павловна. Она — ключ. Только вот откроет она дверь или захлопнет — пока
не знаю.
Я опустил перо в чернила и начал писать.

Глава 5. Письма и пули

Утро началось с Ивана, который влетел в дом с видом гонца, принёсшего дурную весть. Но вести не было — просто я велел разбудить пораньше.

— Письмо губернатору, — я сунул ему конверт. — Лично секретарю. И жди ответа. Даже если скажут «завтра» — ты умеешь быть надоедливым?

— Умею, — Иван расплылся в улыбке.

— Вот и будь.

Он вылетел за дверь. Я проводил его взглядом и сел за стол. В конверте было короткое письмо:

«Ваше превосходительство. В соответствии с нашей договорённостью, готов поставить первую партию льда для губернской больницы. Прошу вашего покровительства как поставщик казённого учреждения. В городе появились лица, заинтересованные в срыве поставок. Надеюсь на вашу защиту. С почтением, граф Шереметев».

«Защита» — красивое слово. В 2025-м я называл это «коммерческим обслуживанием контракта». В 1850-м — «покровительством». Суть одна. Формулировки разные.

Я свернул второй конверт — для редакции «Губернских ведомостей» — и сунул в карман. Настоящий разговор я собирался вести лично.

Редакция пахла типографской краской, старым табаком и отчаянием. Редактор — сухой, в очках, с нервным взглядом — сидел за столом в глубине. Он явно привык, что его никто не воспринимает всерьёз.

— Граф Шереметев? — он поправил очки. — Тот самый, который продаёт лёд?

— Уже знаете? — я сел напротив.

— В Озёрске все новости быстро расходятся. У вас, я слышал, проблемы с Вяземским. Зачем пришли?

— Мне нужна статья.

Он оживился:

— Платите?

— Плачу информацией, — я достал листок с расчётами. — Вот цифры. Сейчас лёд стоит двадцать копеек за пуд. Если Вяземский монополизировал рынок — станет тридцать. Потом сорок. Мясник, пивовар, лекарь — они просто разорятся. Я не прошу писать против Вяземского. Я прошу написать о пользе конкуренции. Без имён. Цифры — ваши.

Редактор взял листок. Его глаза пробежали по строчкам.

— Это же правда, — сказал он тихо.

— Ага, — я улыбнулся. — Вы журналист или кто?

Он помолчал, потом кивнул:

— Завтра выйдет.

— Если Вяземский придёт с претензиями — я прикрою. У меня договорённость с губернатором.

Редактор выдохнул. Я вышел на крыльцо. Первый снаряд выпущен.

Губернатор принял меня быстро. Пахло в кабинете кожей, полированным деревом и — почему-то — деньгами, хотя их явно не было.

— Граф Шереметев, — он указал мне на кресло. — Лёд для больницы — дело хорошее. Но вы просите покровительства. А что я получу взамен?

Я сел. «Что я получу взамен?» — классика. Как переговоры с поставщиком в 2025-м, только без электронной почты.

— Пять процентов с каждой партии, ваше превосходительство. Без бумаг. Чисто по-дворянски.

Губернатор поднял бровь. На его лице промелькнуло удивление.

— Вы говорите то, о чём все молчат.

— А какой смысл молчать? Мы же деловые люди.

Он помолчал, прикидывая в уме проценты. Потом кивнул:

— Хорошо. Покровительство получите. Но если Вяземский подаст в суд — я вмешаюсь только при доказательствах.

— Будут, — я улынулся. — Он уже оставил следы. Мокрые сапоги в моём доме и соль в сарае.

— Доказательства? — он прищурился.

— Пока нет. Но скоро будут.

Он встал. Я понял — аудиенция окончена.

— Действуйте, граф. Я за вами наблюдаю.

Я вышел на улицу. Теперь у меня была крыша.

Я шёл к саням, прикидывая план на день, когда из-за угла выехала чёрная карета с гербом. Я узнал её сразу.

Дверца открылась. На мостовую вышел человек.

Высокий, массивный, в шубе из чёрного меха. Лицо — будто высечено из камня: тяжёлый подбородок, глубокие складки у рта, взгляд исподлобья. Павел Петрович Вяземский.

За ним, на полшага позади, — Анна. В своей шубе с меховым воротником. Она не улыбалась. Просто смотрела — и её взгляд был прикован к отцу. Напряжённый, цепкий. Как человек, который ждёт, что сейчас что-то случится.

— Граф Шереметев, — голос Вяземского был низким, с хрипотцой. — Я так и думал, что встречу вас здесь.

— Граф Вяземский, — я поклонился ровно настолько, насколько требовал этикет. — Вы сегодня без управляющего? Решили лично?

Он усмехнулся, но глаза остались холодными.

— Решил посмотреть, кто мне мешает.

— Я вам не мешаю, — я улыбнулся самой невинной улыбкой. — Я работаю. У вас свой бизнес, у меня свой.

Он шагнул вперёд. Я не отступил.

— Твой бизнес, — он говорил тихо, с нажимом, — это моё озеро. Ты просто пока этого не понял.

— Озеро моё по закону. И, по совести. Ваш отец был крепостным моего деда. Дед дал ему волю. А вы в благодарность забрали наш дом.

Он поморщился — еле заметно.

— Ты думаешь, закон тебе поможет? Ты — разорённый граф. Я — владелец всего уезда. Просто отдай озеро, и я забуду о тебе.

Я засмеялся. Холодно и пусто внутри, но засмеялся. Ему это явно не понравилось.

— А я о вас — нет. У меня хорошая память. И я не прощаю долгов. Особенно тех, что взяли без спроса.

Вяземский смотрел на меня в упор. Там, за его глазами, было что-то злое и опасное. Анна чуть заметно сжала губы.

— Хорошо, — сказал он. — Ты сам выбрал.

Он повернулся и сел в карету. Анна задержалась на мгновение. В её взгляде было и предупреждение, и интерес, и что-то ещё, чего я не мог определить. Потом она последовала за отцом.

Карета уехала. Я стоял посреди улицы один.

— Ну, — сказал я себе. — Теперь точно война.

Вечером я собрал команду за столом. Иван уже вернулся от губернатора с ответом: «Его превосходительство велели передать — ждёт первую партию».

— Завтра делаем три вещи, — я разложил на столе план. — Первое: везём лёд в больницу. Это витрина. Второе: начинаем поставки Семёну Петровичу по тайной схеме. Третье: идём к мяснику, пивовару и лекарю.

— А если откажутся? — спросил Кузьма.

— Запомнят, что у Вяземского есть конкурент. Значит, будут знать, куда идти, когда он их придушит.

— А если Вяземский опять нападёт? — спросил Иван.

Я достал старый револьвер. Тяжёлый, с вытертым серебряным стволом. Положил на стол.

— На всякий случай.

Мужики переглянулись.

— Вы умеете стрелять, барин? — спросил Егор.

— Нет, — я честно убрал револьвер в ящик. — Но им об этом знать не обязательно.

Иван фыркнул. За ним — Кузьма. Даже Егор улыбнулся.

— Вот вы, барин, всегда так? — он покачал головой. — Спокойно, как на базаре, а за спиной — револьвер и губернатор?

— Я же говорил, Егор Петрович, — я развёл руками. — Я необычный граф.

Ночью я вышел на крыльцо подышать. Луна висела низко, лёд на озере искрился синим. У калитки стояла фигура.

Закутанная в меха, с капюшоном, надвинутым на лицо. Но я узнал её. По шубе. По плечам. По тому, как она держалась.

— Анна Павловна? — я подошёл ближе. — Что вы здесь делаете? Одна? Без слуг?

Она подняла голову. Лицо бледное, но глаза горели.

— Пришла предупредить. Мой отец готовит новый ход. Он хочет подкупить ваших людей. Егора, Кузьму. Тех, кто на вас работает.

Я молчал. Пытался понять — ловушка или правда. Но в её глазах не было лжи. Только тревога.

— Почему вы мне это говорите?

Она отвела взгляд.

— Потому что я не хочу, чтобы он победил так. Грязно. Если вы проиграете — пусть честно. Если победите — тоже.

Я сделал шаг ближе. Она не отступила.

— А вы? На чьей вы стороне?

Она подняла глаза. В них было что-то, что я не мог прочесть.

— На своей.

Развернулась и ушла в темноту. Я смотрел ей вслед.

«Уравнение становится всё сложнее. Она не враг. Но и не друг. Кто же ты, Анна Павловна?»

Утро началось с шума.

Я вскочил, натянул штаны и вылетел во двор. У сарая стоял Егор — бледный как полотно.

— Барин... Там...

Дверь сарая была выломана. Щепки на снегу. Я заглянул внутрь — лёд цел. Нетронутый.

— А что тронули?

Егор оказал на стену. На досках было вырезано ножом:

****«У тебя неделя. Отдай озеро. Или пожалеешь».****

Я постоял, глядя на эти буквы. Потом развернулся и пошёл в дом. Сел за стол. Достал револьвер, положил перед собой. Взял перо.

— Егор, пошли Кузьму к губернатору. Пусть передаст: «Граф Шереметев просит защиты и готов дать показания об угрозах».

— А вы? — спросил Иван.

— Я еду к мяснику, пивовару и лекарю. Вяземский хочет, чтобы я испугался? Он ошибается. Я только начинаю.

Я запечатал конверт и протянул Ивану. На адресе было выведено: «Анна Павловна Вяземская».

Иван округлил глаза.

— А что там?

— Там то, что уничтожит её отца. Если понадобится.

Я встал, надел шубу и сунул револьвер в карман.

— Идём. Время не ждёт. У нас неделя.

Мы вышли во двор. Солнце вставало над озером. Сарай стоял с выломанной дверью. На стене — угрозы. Но страха не было.

Я забрался в сани. Егор взял вожжи.

— Знаешь, что, Егор? У нас всё получится. Потому что мы — команда. А Вяземский — один.

Егор усмехнулся.

— С вами, барин, и я в бога поверил.

Я хлопнул вожжами, и сани тронулись.

В городе меня ждали переговоры. В кармане — револьвер. В голове — план. И где-то там, в тени, была Анна. Единственная часть уравнения, которую я не мог просчитать.

Но я знал одно: я не сдамся.

Я — граф Шереметев. И я верну своё.

Глава 6. Неделя

Я стоял у окна с кружкой ледяного чая. За окном — озеро, сарай с выломанной дверью, следы на снегу. Вяземский дал мне неделю. Он думает, я буду метаться. А я разобью эту неделю на семь шагов. И каждый — чтобы он пожалел о своей угрозе.

Вошел Егор, хмурый как осенняя туча.

— Егор, у нас семь дней. К концу недели у Вяземского земля должна гореть под ногами. Запрягай сани.

— А Кузьму брать?

— Бери всех. Дел выше крыши.

День первый. Больница.

Губернская больница встретила нас запахом карболки и облупившейся штукатуркой. Лекарь — пожилой, в заляпанном халате, с пенсне на носу — подозрительно щупал наш лёд.

— От графа Шереметева? По себестоимости?

— Как договаривались с его превосходительством.

Он понюхал лёд, постучал костяшками. Потом неожиданно тепло:

— Чистый. Прозрачный. Спасибо, граф. У нас микстуры портятся без холода. А Вяземский предлагал лёд по такой цене, что проще было вылить лекарства на помойку.

Я взял на заметку. Вяземский наживался даже на больнице. Что ж — сам себе вырыл яму. Я только помогу ему в неё упасть.

— Доктор, если будут спрашивать, откуда лёд — говорите правду. Шереметев.

Лекарь кивнул. Первая точка поставлена. Лёд Шереметева теперь в казённом учреждении.

День второй. Мясник.

Мясная лавка на окраине пахла кровью и опилками. Хозяин — здоровый мужик с руками-окороками — смотрел на меня как на вора, забравшегося в его колбасный цех.

— Граф? С льдом? А чего это вы сами, ваше сиятельство?

— Потому что я новый граф. И предлагаю вам лёд по цене ниже, чем Вяземский. Ваше мясо портится без холода?

— Портится, — признал он. — Но Вяземский сказал: если у кого-то другого куплю — кредит перекроет.

Я сделал вид, что задумался:

— А если я предложу вам не лёд, а предоплату за лёд? Вы даёте мне десять рублей сейчас, я вам — лёд через месяц. Это не кредит. Это инвестиция.

Мясник моргнул. Слово «инвестиция» явно не входило в его словарный запас.

— А вы не обманете?

— Я граф. Моё слово — всё, что у меня есть. Спросите у Семёна Петровича.

Он подумал. Потом кивнул:

— Ладно. Десять рублей. Через месяц — лёд. Но если кинете — я вас в котлеты пушу.

— Котлеты я люблю, но не из себя.

Вторая сделка. Предоплата. Живые деньги.

День третий. Пивовар.

Пивоварня пахла солодом и хмелем. Хозяин — аккуратный, в крахмальном фартуке, с правильной немецкой речью — варил пиво по баварскому рецепту.

— Лёд? Для пива? Вы знаете, граф, что холодное пиво — это совсем другой вкус? Это искусство.

— Знаю. Поэтому предлагаю вам эксклюзив. Только вы. Но взамен — рекомендация вашим коллегам в других городах.

Карл Иванович прищурился:

— Зачем вам это?

— Мне нужна репутация. Если в Питере узнают, что граф Шереметев поставляет лучший лёд для пивоваров — это откроет двери, куда я сам не достучусь.

— По рукам. Но если лёд будет с тиной — я вас прокляну. По-немецки.

— Договорились. По-немецки не надо. Я и по-русски боюсь.

Третья сделка. Выход на межгородскую репутацию.

День четвёртый. Газета.

Редактор сиял как начищенный самовар.

— Граф! Статья вышла! Приходил лекарь из больницы — сказал, ваш лёд спас их микстуры. Я пишу вторую!

— Отлично. Добавьте факты: Вяземский предлагал лёд больнице по завышенной цене. Шереметев — по себестоимости. Без имён, но с цифрами.

— Вы, граф, знаете, как делать новости.

— Я знаю, как делать хорошие новости. А они всегда выгодны тому, кто их пишет.

Информационная война набирала обороты.

День пятый. Ответный ход.

Я вернулся домой и сразу понял — что-то случилось. Команда сидела мрачная.

— Барин, — сказал Егор, — приходили люди Вяземского. К Кузьме. Предлагали сто рублей, чтобы ушёл.

Кузьма из угла:

— Я их послал. Но они сказали — придут к Ивану.

Иван вскинулся:

— Я не продамсь! Барин, я лучше с вами голодать буду!

— Я знаю, — я положил руку ему на плечо. — Но это значит, что Вяземскому страшно.

А когда ему страшно — он ошибается. Завтра идём к губернатору.

— С чем? — спросил Егор. — У нас есть доказательства?

— Будут.

День шестой. Ловушка.

Ночью я вышел проверить сарай. У забора стояли двое. Егерь и его напарник. Без оружия.

— Граф, мы пришли не драться. Вяземский приказал поджечь ваш сарай. Сегодня ночью. Мы отказались. Но он наймёт других.

— Почему вы мне это говорите?

— Вы тогда, на дороге, могли нас сдать. Но не сдали. И коньяк обещали. Мы подумали — это человек слова.

Я усмехнулся. Мелочи решают всё.

— Коньяк будет завтра. А пока — идите к Вяземскому. Скажите: пытались поджечь сарай, но я вас поймал, и вы еле унесли ноги.

— Он не поверит.

— Поверит. Я научу.

Я быстро проинструктировал их: где их застали, как убегали, какие детали добавить. Они слушали, переглядывались. Потом егерь покачал головой:

— Вы... граф с головой. Только сумасшедший или гений мог такое придумать.

— Одно другому не мешает. Идите.

Они ушли в темноту. Теперь у меня были шпионы в стане врага.

День седьмой. Губернатор.

Я вошёл в кабинет с папкой под мышкой. Показания. Договоры. Статья. Анонимное письмо об угрозах.

Губернатор пролистал бумаги. Поднял бровь:

— Вы всё это собрали за неделю?

— У меня была мотивация. Неделя — это много. Особенно когда терять нечего.

Он отложил папку:

— Я вызову Вяземского на беседу. Но это не значит, что я на вашей стороне.

— Понимаю. Вы на стороне закона. А закон, — я положил руку на папку, — на моей.

Конверт лежал под папкой. Губернатор сдвинул бумаги в сторону — конверт исчез в ящике стола. Буднично. Как чайник поставить. Мы даже не встретились глазами.

Я вышел на крыльцо и выдохнул. Неделя прошла. Я выстоял.

Вечером я сидел за столом. Семь дней. Семь шагов. Лекарь, мясник, пивовар, редактор, губернатор, шпионы, предоплата. Я сделал больше, чем планировал.

Стук в дверь. Резкий. Три коротких удара.

На пороге — Павел Константинович, управляющий Вяземского. В руке конверт с сургучной печатью.

— Граф Вяземский приглашает вас на деловой ужин. Завтра. В его усадьбе.

— Приглашение или вызов?

— Это вам решать.

Он поклонился и ушёл в темноту.

Я закрыл дверь. Положил конверт на стол рядом с револьвером. Сургуч блестел в свете свечи. Завтра — ужин. Либо перемирие, либо война без правил.

Я готов к обоим вариантам.

Глава 7. Ужин

Егор стоял в дверях с лицом, которое говорило: «Ты сумасшедший».

— Барин, вы правда туда пойдёте? Один?

Я взял со стола револьвер и сунул в карман.

— Пойду. Отказ — слабость. А слабость Вяземский чует за версту.

— А если ловушка?

— Тогда я вернусь быстрее, чем он ожидает.

Я протянул Егору запечатанный конверт:

— Если не вернусь к утру — отнесёшь губернатору. Здесь всё, что нужно, чтобы Вяземский пожалел.

Егор спрятал конверт за пазуху.

— Но я вернусь, — сказал я. — Ты меня знаешь.

— Знаю. Потому и не отговариваю.

Дорога была пустой. Снег скрипел под полозьями, серое небо висело низко. Я думал только о деле.

Усадьба появилась из-за леса — каменная, с колоннами, с гербом на воротах. Когда-то здесь жили Шереметевы. Теперь — Вяземские.

У ворот ждал Павел Константинович:

— Граф Шереметев. Вас ждут.

— Уверен, — я спрыгнул с саней. — Надеюсь, стол уже накрыли?

Он не ответил. Просто развернулся и пошёл в дом.

В гостиной пахло воском и дорогим табаком. Вяземский стоял у камина с бокалом вина. Рядом, в кресле, сидела Анна — прямая, собранная, с холодным взглядом. Она не улыбнулась. Просто смотрела. Оценивала.

— Граф Шереметев, — Вяземский шагнул навстречу. Голос ровный, без угрозы. — Рад, что вы приняли приглашение. Война утомила нас обоих. Давайте поговорим о мире.

— Не каждый день меня приглашают на ужин люди, которые обещали меня уничтожить, — я взял бокал с подноса, без спроса. — Решил посмотреть, как живёт мой будущий деловой партнёр.

— Партнёр? — Вяземский усмехнулся. — Вы, кажется, называли это иначе.

— Бизнес — штука гибкая. Сегодня война, завтра — слияние. Вы же для этого меня позвали?

— Пройдёмте к столу. Поговорим.

Стол ломился. Дичь, пироги, вино. Я ел спокойно, не торопясь. Пусть видят: меня не впечатлить.

Вяземский начал, когда я расправился с первым куском:

— Граф, я хочу закончить эту войну. Вы мешаете моему бизнесу. Я мешаю вашему. Я предлагаю партнёрство. Тридцать процентов вашего ледового дела в обмен на мои связи, рыбные обозы и амбары в Питере.

— Тридцать процентов? — я отложил вилку. — Несерьёзно. Пятьдесят один — мне, сорок девять — вам. И эксклюзивное право на перевозку.

— Сорок девять? А кто будет контролировать качество? У меня опыт. У вас — только озеро. Шестьдесят мне, сорок вам. И я беру все риски.

— Шестьдесят вам? Тогда зачем вам я? Берите озеро и работайте сами.

Анна чуть наклонилась к отцу и тихо сказала:

— Шестьдесят ему. Но с правом вето.

Вяземский переглянулся с дочерью. Анна еле заметно кивнула.

— Хорошо, — сказал он. — Пятьдесят один вам, сорок девять мне. Право вето обоюдное. Но если вы сорвёте поставку — озеро переходит ко мне.

— А если вы сорвёте — теряете эксклюзив на перевозку, — я пожал ему руку.

Я смотрел на Анну. Она встретила мой взгляд спокойно. Без эмоций. Как игрок, который сделал ход и ждёт ответа.

«Вот и всё. Партнёры. Лиса в курятнике. А я — тот, кто пришёл за лисой. Посмотрим, чья шкура окажется прочнее».

Я шёл к выходу. В коридоре меня догнала Анна.

— Анна Павловна, — я обернулся. — Вы ведь не просто так приходили ко мне. К трактиру. К лавке. К флигелю. Отец поручил изучить меня?

Она замерла на мгновение. Потом спокойно:

— Догадались.

— Только что. За столом. Когда вы подсказали ему про право вето.

— А какой смысл отрицать? — она смотрела прямо. — Я изучила вас. С вами нельзя воевать в лоб. Вы переиграете.

— И вы верите, что меня можно контролировать?

— Нет. Но отцу я сказала иначе.

— Вы опаснее отца, Анна Павловна. Он хотя бы предсказуем.

— Знаю. Поэтому я на его стороне. С вами — слишком рискованно.

Она развернулась и ушла. Я смотрел ей вслед.

«Разведчица. Холодная, умная, лояльная отцу. Теперь понятно, зачем она приходила. Изучала. Как игрок перед партией. Что ж — счёт равный».

Я вернулся во флигель за полночь. Егор ждал у калитки.

— Барин! Вы вернулись!

— Вернулся. И привёз партнёра.

— Партнёра? — Егор вытаращился.

— Липового, — я усмехнулся. — Вяземский думает, что заманил меня в ловушку. А я думаю, что залез в его сейфы.

Мы вошли в дом. Я сел за стол, достал револьвер, положил перед собой.

— Завтра начинаем новую игру. Ты со мной?

— С вами, барин. До конца.

— Тогда слушай. Первое: начинаем поставки через обозы Вяземского. Пусть думает, что я расслабился. Второе: Кузьма едет в Питер — узнать, с кем Вяземский ведёт дела. Третье: Иван следит за управляющим. Каждый шаг. Каждый чих.

— А вы?

— А я буду играть счастливого младшего партнёра. Улыбаться, подписывать бумаги. А по ночам искать его слабое место. У каждого есть слабость. И у него — тоже. Я найду.

Я зажёл свечу.

«Партнёрство. Две лисы в одном курятнике. Посмотрим, кто первый решит, что одной лисы — достаточно».

Глава 8. Медовый месяц

Я проснулся от криков.

Егор орал так, что стёкла дрожали. Я натянул штаны, схватил револьвер и вылетел во двор.

Егор и Иван стояли у сарая. На двери висел новый замок — массивный, чужой, с гербом Вяземского на дужке.

— Барин! — Егор был злой как чёрт. — Пришли люди Вяземского на рассвете. Повесили замок. Сказали: теперь это общая собственность, доступ только с разрешения обоих партнёров.

Я подошёл к двери. Осмотрел замок. Тяжёлый. Дорогой. С расчётом на то, что я буду просить ключ.

Я достал револьвер.

— Барин, вы чего? — Иван попятился.

— Отойди.

Я приставил ствол к дужке и выстрелил. Грохот разнёсся над озером. Замок разлетелся вдребезги.

— Вот теперь можем.

Я распахнул дверь. Лёд был на месте. Целый, ровный, нетронутый.

— Егор, убери обломки. Иван — в город. Найди кузнеца. Пусть сделает три замка. Один на сарай. Два на ворота. Если Вяземский хочет играть в замки — мы поиграем.

— А вы, барин?

— А я еду к партнёру. Обсудить правила общежития.

Я вошёл без доклада. Павел Константинович попытался преградить дорогу — я просто прошёл мимо.

Вяземский завтракал. Анна сидела рядом — прямая, в тёмном платье. При моём появлении она не шевельнулась. Только глаза чуть сузились.

— Граф Шереметев? — Вяземский изобразил удивление. — Что-то случилось?

Я, ничего не ответив, прошёл и сел напротив его. Внимательно посмотрел в глаза и произнес:

— Замок. На моём сарае. Ваши люди. Жду объяснений.

— На нашем сарае, — поправил он с улыбкой. — Мы партнёры. Я имею право на доступ.

— Имеете. Но не на замок без моего ведома. Это не партнёрство. Это захват.

Вяземский отпил кофе. Медленно. С наслаждением.

— Недоразумение. Я прикажу убрать.

— Уже убрали. Я прострелил его.

Пауза. Анна чуть заметно подняла бровь. Вяземский поставил чашку. В его глазах мелькнула переоценка.

— Вы горячи, граф.

— Я справедлив. Не делайте так больше. Иначе следующий выстрел будет не в замок.

— Это угроза?

— Это предупреждение. Партнёрское.

Я встал.

— И ещё. Я еду в Питер. Проверить, как ваши люди хранят мой лёд.

Анна положила ладонь на стол — лёгкое движение, почти незаметное.

— Пусть едет, — сказала она спокойно. — Чем дальше граф будет от Озёрска, тем легче нам будет работать здесь.

Я посмотрел на неё. Она встретила мой взгляд — без враждебности, без тепла. Как игрок, который сделал ход.

«Ты что-то задумала. И специально дала мне повод уехать. Значит, пока меня не будет, здесь что-то произойдёт. Хорошо. Пусть думают, что я клюнул».

— Всего хорошего, — сказал я и вышел.

Склад пах рыбой, старым деревом и обманом.

Мы с Кузьмой вошли без предупреждения. Местный управляющий — толстый, в кожаном фартуке — выскочил навстречу, вытирая руки.

— Граф Шереметев? А мы вас не ждали!

— Я так и понял. Где мой лёд?

Он повёл нас в дальний угол. Лёд лежал прямо на грязном полу. Без опилок. Без изоляции. Края оплыли, вода растеклась лужей. Десять, пятнадцать, двадцать блоков — испорчены.

— Что это? — спросил я спокойно.

— Так храним. Места больше нет.

— Вы храните лёд на полу? По договору вы обязаны обеспечить сохранность товара.

— По договору мы обязаны предоставить место, — он ухмыльнулся. — Про условия хранения там ничего нет.

Я достал из кармана копию договора. Развернул.

— Абзац четыре, пункт два. Читаю: «Партнёр, предоставляющий склад, обязуется обеспечить условия, соответствующие сохранности товара». Пол — это не условия. Это вредительство.

Ухмылка сползла с его лица.

— Я... я не знал...

— Зато я знаю. Передайте Вяземскому: я требую компенсацию за испорченный лёд. По рыночной цене. И если завтра здесь не будет опилок — я расторгаю договор о перевозке и везу лёд сам. Всё понятно?

— Понял...

— Кузьма, пересчитай уцелевшие блоки. Остальное — в убытки.

Мы вышли на улицу. Кузьма покачал головой:

— Барин, они же специально. Зачем им это?

— Чтобы я сорвался. Начал кричать, угрожать, рвать договор. Тогда Вяземский сказал бы: «Вот видите — он истеричка, с ним нельзя работать». И все купцы отвернулись бы.

— А вы не сорвались.

— Я предъявил договор. Это хуже для него. Теперь он знает: я читаю каждую букву. Следующий удар должен быть умнее.

Я положил руку Кузьме на плечо:

— Ты остаёшься в Питере. Мне нужно знать всё об этом складе. Кто приходит, кто уходит, с кем говорит управляющий. Особенно письма. Если он шлёт что-то в Озёрск — я хочу знать. И ещё: узнай про купца Громова. Иван заметил, что управляющий отправил ему письмо. Мне нужно знать, с кем Вяземский общается в столице.

— Сделаю, барин.

Я залез в сани и взял вожжи. Где-то внутри звенело тревожное чувство. Анна сказала: «Чем дальше граф будет от Озёрска, тем легче нам будет работать здесь». Пока я ехал обратно, в Озёрске что-то происходило.

Я опоздал.

Флигель встретил меня темнотой. Свет не горел. Егор не вышел. Дверь была приоткрыта.

Я вошёл — и замер.

Бумаги разбросаны по полу. Стол перевернут. Свечи погашены. На полу лежала карта — та самая, с маршрутами поставок. И поверх карты — грязный след сапога.

Из угла донёлся стон.

Я бросился туда. Егор лежал на полу, прижимая руку к голове. Кровь запеклась на виске.
— Егор!

— Люди... Вяземского... — он говорил с трудом. — Пришли... искали бумаги... Иван пытался их остановить... его забрали...

— Куда?

— Не знаю... в карету... и увезли...

Я поднялся.

— Сколько их было?

— Четверо... может, пятеро... У одного — пистолет.

Я достал револьвер. Проверил патроны. Пять.

— Лежи. Я за Иваном.

Ворота усадьбы были закрыты. Я не стал стучать. Выстрелил в замок. Створки распахнулись.

Во дворе — Павел Константинович с фонарём. За ним трое. Увидев меня, один потянулся за пазуху.

— Даже не думай, — сказал я, поднимая револьвер. — Где Иван?

— Граф Шереметев! Что вы себе позволяете...

Я подошёл вплотную. Ствол упёрся ему в грудь.

— Ты меня слышал. Где мой человек?

Из дверей дома вышел Вяземский. В халате. Сонный. Слишком сонный.

— Что здесь происходит?

— Ваши люди напали на мой дом. Забрали работника. Я требую вернуть его.

— Мои люди? — он нахмурился. — Павел Константинович?

Управляющий молчал. Вяземский подошёл к нему. Схватил за грудки — резко, жёстко.

— Ты посмел напасть на дом моего делового партнёра? Без моего ведома? С моими людьми? Ты понимаешь, чем это пахнет?

Управляющий хотел возразить, но Вяземский не дал ему рта раскрыть:

— Ты выполнять должен. То, что я скажу. А не то, что ты сам придумал.

Он повернулся к мужикам:

— Плетей. При всех. Двадцать.

Управляющий побелел:

— Граф, я же для вас...

— Молчать.

Двое схватили Павла Константиновича. Задрали рубаху. Свист — и первый удар рассёк воздух. Управляющий вскрикнул.

Я стоял и смотрел.

Раз. Два. Три. Спина вспухала красными полосами. На десятом ударе он уже не кричал — хрипел.

— Хватит, — сказал я.

Вяземский поднял руку. Мужики остановились. Управляющий висел на их руках, тяжело дыша. По спине текла кровь.

— Я забираю Ивана. И уезжаю.

— Это недоразумение, — Вяземский развёл руками. — Я не знал о нападении. Управляющий наказан. Инцидент исчерпан.

— Инцидент? — я посмотрел на избитого, потом на Вяземского, потом на дверь дома, где в тёмном проёме стояла Анна. Она смотрела на отца. Её пальцы сжались в кулак — на мгновение. Потом разжались. В глазах — холодное узнавание. Как будто она впервые увидела его настоящим.

— Хороший спектакль, — сказал я. — Жёсткий. Но есть одна деталь.

— Какая?

— Ваш управляющий ничего не делает без приказа. Я это понял ещё на первой неделе. Вы сказали «проверь». А он понял это как «громи». Проблема в том, что ваши люди всегда понимают вас правильно. И если они громят — значит, так и было задумано.

Вяземский молчал. Маска сонного графа сползла. Остался только холод.

— Доказательств у вас нет.

— Доказательств нет, — согласился я. — Но мне не нужны доказательства. Мне нужен Иван. Я его забираю.

Иван вышел из-за угла дома — помятый, с разбитой губой, но на своих ногах. Я кивнул ему на сани.

Павла Константиновича уводили под руки. Рубаха прилипла к спине. Проходя мимо меня, он на секунду поднял глаза. В них не было злости. Не было мольбы. Только холод — такой же, как у его хозяина. Только теперь этот холод смотрел не на Шереметева — а в спину Вяземскому.

«Этот человек теперь опасен вдвойне, — подумал я. — Он предан Вяземскому. И только что узнал цену этой преданности».

Я сел в сани. Иван рядом.

— Всего хорошего, партнёр. И передайте Павлу Константиновичу: он хорошо сыграл свою роль. Жаль, что пришлось платить спиной.

Сани тронулись. Я не оборачивался.

Я уложил Ивана, вызвал лекаря для Егора, сел за стол. Зажёг свечу.

Три замка. Испорченный лёд. Разгромленный дом. Иван с разбитой губой. Егор с пробитой головой. Управляющий, который теперь знает цену преданности.

— Это был Вяземский, — сказал я. — Не управляющий. Он приказал напасть, а сам разыграл невиновность.

Вошёл Егор — уже перевязанный, но на но

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.